

В М Е С Т О П Р Е Д И С Л О В И Я

Второй книгой серии, выходящей вслед за весенним томом, несколько неожиданно для самого составителя оказывается декабрьский выпуск. Однако на то существует ряд причин. Главная из них заключается в том, что зимний том составлять было значительно сложнее, чем весенний. Болландисты довели свое собрание житий до ноября, и для декабря пришлось составлять календарь и подбирать материалы отдельно к каждому святому. Естественно, это, во-первых, замедлило работу, а во-вторых, привело к увеличению объема по сравнению с весенным выпуском. Поэтому было принято решение разбить зимние месяцы на два тома: за декабрьским последует выпуск за январь-февраль.

Как и прежде, я рад выразить свою признательность друзьям и коллегам, помогавшим советом и поддержкой при работе над книгой — А. Е. Васильеву, С. Д. Клейнер и А. И. Фалилееву. Ошибки и неточности, конечно же, остаются на моей совести.

С. В. Иванов

ДЕКАБРЬ

1 ДЕКАБРЯ

св. АГЕРИК (фр. Airy),
епископ Вердена (ум. 588)

изд.: ССНР III, 83, 88–89

Праведный и святой Господь разгневался на ожесточившийся люд, и стихии восстали на безрассудных: тучи отступили, воздух раскалился, земля обнажилась, травы увяли, вода покинула жилы, которые питают источники, и заброшенный стихиями мир зачах. Ведь закоренелая порочность коснеет и перестает узнавать себя, если не умеряется жестоким бичом. Потому сделалось так, что три года небеса, лишенные благословения дождем, будто железный свод, простирались над людьми. Народ переносил первый год в ожидании, второй в отчаянии, третий в изнеможении. И поскольку грешники не могли придумать ничего сами, то наконец, обратившись к почти забытым своим сердцам, они сбежались к епископу и молили пастыря умилостивить Господа, гневавшегося на их грехи, устраниТЬ кару, выпросить прощение, восстановить высохшие земли и остановить вымирание жителей. Общая беда тронула святого, и он посоветовал учинить единодушное моление против общей опасности. Итак, он наложил на людей трехдневный пост по подобию ниневийцев, повелел творить в церквях лitanii и носить кресты в память о милосердии Господнем, чтобы Христос, Который пострадал за грешников, по заступничеству святых смилостивился над христианами, спасенными Его страстями. Словно врач, наложил он этот пост на недужных грехами и сам первый исполнил,

что повелел. Все люди без различия вышли босыми, облачились пеплом и вретищем, взывали к жалости святых и милосердию Господа, били себя в грудь и проливали слезы, чтобы Бог не уловил нечестивых, творя суд, в делах рук их (Пс. 9:17). Тогда, в первый же день лitanий, пастырь, шествуя вместе со всеми и вздыхая о несчастиях овец своих, на глазах у собравшихся обратил взоры к небу и сподвиг покоящегося в сердце своем Бога к милосердию, и внезапно воздух затмился густыми тучами, и потекли воды, и мир послушно признал прежний порядок, и три дня лились дожди, земле вернулась свежесть, травам — зелень, источникам — потоки, деревьям — жизнь, и мир, потеряв два года, на третий получил полное изобилие. И не скрылось от людей, какую любовь питает Бог к святому пастырю — ведь видели и дивились все бывшие там: когда он веселился под открытым небом с остальными и все промокли под низвергающимися водами, ибо Бог по заслугам и молитвам его дал то, что он просил, то ему же сам Бог был сенью в дожде. Вода изливалась повсюду, как было ей велено, но касаться святого запретил ей Тот, Кто делает все, что пожелает.

Хотя король Хильдеберт¹ должен был созвать большой сход и собрание в Вердене и почтил святого мужа объятиями в знак привязанности и почитания, тем не менее, не желая утруждать его заботами о пирах, необходимых в таком случае, он снял с него долг услужения и перенес собрание в город Мец. И когда впоследствии король проезжал через Верден, святой епископ радушно встретил его и со всем тщанием и рвением оказал ему человеколюбивое гостеприимство. В этом пылу услужения пришел к нему эконом, заведующий всеми его припасами, со словами: «Господине, хотя мы в изобилии запаслись всем прочим, но не можем выставить вина, как подобает королевскому величеству, ибо у нас нет ничего, кроме одного бочонка, который в народе называют *tonna*». Тогда муж Божий, стесненный в мирских ве-

¹ Хильдеберт II, король Австразии (575–595/6) и Бургундии (592–595/6).

щах, но широко раскрывший сердце в Господе, сказал: «Не предавайся отчаянию, но принеси мне этой влаги; Бог властен превратить печаль нашей скучности в веселье изобилия». Так он сказал и, когда принесли вино, пригубил немного и, возведя очи горе, произнес: «Господи, молю Тебя приумножить это вино». И когда по его приказу вино стали выливать обратно в упомянутый бочонок, начало оно изобильно изливаться, начало оно изобильно истекать, и, чем больше его черпали, чтобы отнести на утеху пьющим, тем с большим избытком оно приумножалось по велению и могуществу Создателя. Ибо поистине это было подвластно Всемогущему, и Тот, Кто сотворил вино из воды в Кане Галилейской, мог сотворить и вино из вина по истинной и неколебимой вере слуги Своего и просителя. Что еще сказать? Гости пили как галлы, и не было меры выпитому. Много дней пытались вычерпать этот бочонок, и вино каким-то непонятным образом, казалось, вливалось туда, пока они предавались расточению. Скромное угощение приумножалось по высшему благословению, несмотря на множество расточителей, и по воле Господа преступало всякие природные границы. Наконец, когда закончилось угощение, но не иссякло вино, король, пораженный этим чудом, склонился перед епископом, почитая в нем Творца, и явил королевскую щедрость: тот, кто пил вино добродетели, из любви и уважения к епископу поднес церкви его виноградники и имения, которыми она владеет и по сей день по неоспоримому и законному праву.

**св. ЭЛИГИЙ (фр. Éloi),
епископ Нуайона (ум. 660)**

изд.: *MGH SS rer. Merov. IV*, 672–673, 676–678, 686–687,
687–688, 697–699, 708–709, 713–714, 717–718, 721–722
авт.: св. Аудоэн (Дадон, фр. Ouen), епископ Руана (ум. 686)

Спустя некоторое время Элигий стал известен Хлотарю, королю франков, вот по какому делу. Этот король хотел искусно отделать свой трон золотом и драгоценными

камнями, но в его дворце не нашлось никого, кто мог бы изготовить престол по его замыслу². Когда же королевский казначей узнал об искусстве Элигия, то начал выведывать, не сможет ли тот каким-либо образом выполнить желаемое, и, когда понял, что у него легко это получится, пришел к своему господину и сказал, что нашел умелого мастера, который мог бы незамедлительно приступить к задуманному делу. Тогда король чрезвычайно охотно передал казначею много золота, которое тот целиком передал Элигию. Элигий же, приняв заказ, быстро взялся за работу, старательно трудился и споро ее завершил. Даже больше: из того, что он взял для изготовления одного изделия, в итоге он сделал два. Как ни невероятно, на все это хватило того же количества золота, ведь он справился с доверенным ему заказом без всякого обмана и не потерял ни единой силиквы³. Он не повторял чужие мошенничества, не обрезал частички острым напильником, не винил в потерях прожорливое пламя печи, но, честно выполнив все в двойном объеме, благополучно заслужил справедливое воздаяние. Ведь он тут же отнес завершенную работу во дворец и отдал королю трон, который тот дал ему для отделки, другой же, который сделал бесплатно, удержал при себе. Государь же начал восторгаться и превозносить красоту этого произведения и приказал выплатить этому мастеру вознаграждение, достойное такого труда. Тогда Элигий, выставив на обозрение второй трон, сказал: «Остатки золота, чтобы не потерять их по небрежению, я приладил к этому изделию». Пораженный король, объятый необычайным изумлением, стал расспрашивать мастера, смог

² В тексте *sella*, которое может иметь как значение ‘tron, престол’, так и ‘седло’. В современных работах и переводах принимается первое значение, однако в средневековой иконографии Элигий подает королю именно седла; кроме того, кажется, по логике сюжета дополнительное седло проще какое-то время прятать от чужих глаз. В переводе мы присоединяемся к первому варианту, однако значение ‘седло’ тоже следует иметь в виду.

³ Единица веса, 1 силиква = 0,189 г.

ли он сделать все это из того же самого веса, и, получив утвердительный ответ на свой вопрос, удостоил способности Элигия высшей похвалы и сказал: «По этому видно, что тебе можно доверять и в гораздо более важных делах». Так зародилось и было засвидетельствовано почтение и доверие к Элигию, которыми он пользовался впредь в королевском дворце. От этого, конечно, он начал возвышаться еще смелее, стал самым умелым золотых дел мастером и ученейшим во всем ремесленном искусстве, снискал милость в королевских глазах и перед всеми его вельможами и, по велению Господа, укреплялся в вере и, ободряемый королем, изо дня в день утверждался в добродетели.

Таким образом, он все больше и больше укреплялся во бдениях, постах и благотворении. Для короля изготавливали он множество изделий из золота и драгоценных камней и неустанно сидел за работой, а напротив него Тилле, слуга его из саксонского племени, который последовал по стопам учителя и сам впоследствии вел благочестивую жизнь. Итак, Элигий, садясь за труды, ставил себе перед глазами открытую книгу, чтобы и во время работы тем самым постигать божественные заповеди, выполняя сразу две службы: руками — на пользу людям, умом — Господу. Слава его разнеслась повсюду, так что если кто собирался прийти во дворец короля франков из римской, итальянской, готской или любой другой провинции по посольским делам или любой другой надобности, то не являлся к королю, не посетив прежде Элигия, чтобы испросить у него помощи в пропитании или получить ясный и полезный совет. К нему же со всех сторон стекались благочестивые люди, чужеземцы и монахи, и все, что Элигий мог заработать, он либо отдавал им в милостыню, либо выделял на выкуп пленников, ибо был особенно расположен к этому благодеянию. Действительно, где бы ни выставлялся раб на продажу, он узнавал об этом и являлся туда с великой поспешностью и милосердием, тут же оплачивая выкуп и освобождая пленника. Бывало, он выкупал за раз до двадцати, тридцати

и даже пятидесяти человек из рабства, иногда же целое скопище почти в сто человек, как только они сходили с корабля. Он без различия освобождал всех пленников обоего пола и из разных народов — римлян, галлов, бриттов и мавров, но преимущественно людей саксонского племени, которые в то время толпами, подобно стадам, были истощены из родных мест и распродавались повсюду. Если же случалось, что большое число продаваемых превышало размеры выкупа, то он лишал себя всего, что у него было, кроме собственного тела, вплоть до плаща и пояса, а также необходимого пропитания и даже обуви, лишь для того чтобы помочь пленникам. Это же он часто делал и для пилигримов Христа ради. О сколь многажды хотел он быть должником, чтобы помогать должникам? Сколько раз срывал с себя золотую перевязь, а также кошель, украшенный золотом и драгоценными камнями, только чтобы оказать помощь несчастным? Говоря коротко, с течением времени он освободил из тяжкого ярма такое множество рабов и раздал людям разного рода и обоих полов, разным церквям и монастырям столько милостыни, что ни один рассказчик, сколь бы усердным, сколь бы красноречивым он ни был, не смог бы описать. Тотчас приводя выкупленных пленных к королю и бросая перед ним денарии⁴, он даровал им вольные грамоты. После этого он предлагал им на выбор три возможности: если кто после освобождения изъявлял желание вернуться на родину, тому он предоставлял необходимые средства; если же кто-то хотел остаться с ним, он чрезвычайно охотно давал свое согласие, так что они жили у него больше не как рабы, а скорее как братья; наконец, если он мог убедить кого-то начать почтенную монашескую жизнь в монастырских стенах, то он, оказывая таким людям великие почести словно господам, наделял их одеждой и всем необходимым и, тотчас

⁴ Обычай при даровании свободы см.: August Nitschke. Die Freilassung — Beobachtungen zum Wandel von Rechtsgebärdens // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Germanistische Abteilung. 1982. Bd. 99. S. 244.

с ликованием отправляя в обители, с великим попечением заботился о них. Кроме того, у него было много слуг, живших вместе с ним и почитавших своим долгом ему повиноваться. Среди них был Баудерик, его дальний соотечественник, который с чрезвычайной честностью заботился о нем во всем, а также Титуин, свев родом, верный мирянин-постельничий, который позже был убит и достиг высшей награды, и Бухин, обращенный язычник, который и сам позже выделялся благочестивой жизнью и начальствовал феррарской обителью⁵, а также Андрей, Мартин и Иоанн, которые его заботами удостоились духовного сана, но также и многие другие, которых было бы слишком долго перечислять и которые в его комнате торжественно и со всем рвением день и ночь стремились выполнить богослужебный круг.

В другой раз, когда святой пребывал в Париже, както утром прибежал к нему объятый дрожью пономарь базилики Святой девы Колумбы и, бросившись ему в ноги, возвестил, что той ночью, пока он спал, базилика была разорена и лишена всего убранства. Услышав об этом, Элигий весьма опечалился, но, тут же обратившись к привычному оплоту надежды, ласково ободрил пономаря, а затем отправился туда в часовню, где, помолясь, произнес такие слова: «Святая Колумба, услыши мои речи. Знает мой Спаситель: если ты сейчас же не вернешь украденные из Его обители украшения, я ведь прикажу принести терниев и запереть эти врата, так что с этого дня тебя больше уже никогда не будут почитать в этом месте»⁶. Сказав это, он удалился. И вот, на другой день пономарь, поднявшись пораньше, обнаружил, что все убранство, вплоть до мельчайшего лоскутка, вернулось, как было. Тогда он, обрадованный настолько же, насколько был удручен накануне, быстрыми стопами поспешил известить Элигия, и тот, явившись и увидев, что

5 Совр. Ferrières-en-Gâtinais.

6 Про обряд см., например: *Godefridus J. C. Snoek. Medieval Piety from Relics to the Eucharist: A Process of Mutual Interaction*. Leiden, 1995. P. 161.

все уже на прежних своих местах, восхвалил мученицу, но с еще большим ликованием, как всегда, восславил имя Господа Христа.

Среди прочих своих бесчисленных благодеяний он также добился от короля разрешения снимать с виселиц, колес и петель и предавать погребению все человеческие тела, умерщвленные либо супровостью короля, либо приговором судей по различным причинам и разными способами, где бы он их ни нашел, по городам и деревням. Тогда Элигий назначил могильщиками двух своих спутников, Галлебода и Винцентия с их товарищами, чтобы они занялись этим делом, и они, куда бы ни направлялись, в ближние города или отдаленные, постоянно носили с собой мотыги, чтобы тут же предавать трупы земле, если найдут. Таким образом однажды, когда они проходили по области во владении короля Австрии⁷, то пришли к городу, называемому Стратобург⁸, и, будучи неподалеку от города, издали увидели повешенного человека, закончившего в тот же день жизнь свою в петле. Поспешив к нему, они вынули его из петли, чтобы по обычаям предать погребению, но досточтимый муж почувствовал, что следует свершить великое деяние, и, пока готовили погребение, быстро подойдя к этому телу, начал легкими касаниями ощупывать его сверху донизу. Без промедления почувствовав, что душа уже на месте, он, чрезвычайно искусно перелагая с себя заслугу содеянного, сказал: «О, сколь великое преступление мы могли бы сейчас совершить, предав земле это тело, когда душа все еще в нем, если бы Господь не помог!» Все пребывали в изумлении после его слов, он же приказал одеть этого человека и дать ему немного передохнуть. Затем, отдышавшись, этот муж поднялся с земли, ведь, как оказалось, он совершенно не пострадал. Когда это деяние стало известным в том городе, вскоре прибежали его гонители и дерзко попытались снова схватить его и предать смерти. Элигий,

⁷ Т. е. Австразии.

⁸ Страсбург.

едва вырвав его из их рук, доложил о нем королю, вы- просил для него охранную грамоту и так его защитил. Спустя недолгое время спасенный скрылся из окружения Элигия и нигде больше не являлся взгляду его служителей, вероятно, с ведома святого, чтобы история эта не разошлась еще больше в народе. Но хватит об этом.

Также этому святейшему мужу среди прочих его чудесных доблестей было попущено Господом обнаруживать и открывать миру тела святых мучеников, которые до сих пор много веков оставались скрытыми от людей, благодаря его розыскам и исследованиям, которые он проводил с величайшим пылом и верой. Ведь некоторые прежде почитались народом в местах, где их не было, и были совершенно неизвестны в том месте, где действительно были преданы земле. С того времени, как Элигий был посвящен в епископы и поставлен в пастыри церкви, много тел было найдено им и явлено народу, но первым из них он обрел в начале своего епископского служения тело пресвятого мученика Квинтина, которое до того также было скрыто от глаз и которое он искал с великим упорством. Однако прежде чем Элигий был поставлен в епископы Нуайона, был там некий бесчестный муж по имени Маурин — как казалось народу, ведший благочестивый образ жизни. Он был певчим, восхваляемым даже в королевском дворце, и оттого, как показал исход дела, превознесся умом. Надменный сердцем и безрассудный в поступках, он, обманутый дерзостью своих надежд, начал похваляться, будто может разыскать и найти тело мученика Квинтина, но Господь тут же раскрыл и его дерзость, и заслуги Элигия, ибо как только Маурин начал копать землю, рукоятка лопаты пристала к его рукам, и таким образом несчастный оставил свою вздорную затею. На другой день он испустил дух, а в руках его кищели черви. От этого людей одолел такой страх, что никто больше, какой бы похвальной жизни ни был, не осмеливался помыслить о подобном предприятии, кроме Элигия. Поэтому Элигий, возложив на себя пастырские обязанности, с самого начала своего епископства стал непрестанно обращать помыслы к тому

месту, ведь оно находится недалеко от города Верменд⁹, то есть там, где когда-то на холме был захоронен мученик, поднятый из реки Евсевией¹⁰. Итак, Элигий, побуждаемый волей Божией, размышлял про себя, а затем открыто объявил народу, что тело обретается не в том месте, где почитал его люд, но скорее лежит где-то по дальше. И поскольку эта мысль занимала его долгое время, наконец он начал внимательно осматривать пол базилики и пробовать там и сям, не сможет ли где обнаружить священное захоронение. Однако он так и не нашел никаких указаний на гробницу, и братья начали оставлять его, с дрожью пересказывая историю о гибели того, кто прежде, превознесясь разумом и затеяв такие же розыски, закончил жизнь жалкой смертью, а также пытались отговорить предстоятеля от начатого предприятия, указывая на древность тела, уже наверняка уничтоженного давностью времени и превращенного во прах. И когда такие помехи стали выдвигаться братьями, Элигий громко застенал: «Прошу, братие, не чините преград моему рвению, ведь я верую в Творца моего, что Он не соизволит лишить меня столь желанного сокровища». И, неотступно упорствуя, он назначил тогда же трехдневный пост и со слезами усердно молил Господа Христа, поклявшись, что примет пищу не прежде, чем сподобится обрести желаемое. Таковы были его вера и стойкость, что часто он так предвосхищал грядущие события, словно считал их уже совершившимися, и иногда говорил с Богом точно так же, как со своим земным господином, и неколебимо верил, что замысел, который он сам вынашивал, исполнится Богом. Поэтому, хотя многие его отговаривали, он сказал: «Господи Иисусе, Ты, Который знает все, прежде чем это случится, Ты знаешь, что если Ты не явишь мне тело исповедника Твоего, пострадавшего за святое имя Твое, то я, пусть и недостоин, никогда больше не останусь епископом этого народа, но скорее удалюсь в изгнание далеко от этого края, где, как подобает, умру среди зверей». Что же дальше? Продолжив

⁹ Совр. Сен-Кантен.

¹⁰ О св. Квинтине см.: ЗЛ, II, 436.

начатое, его помощники разбежались искать по разным местам в церкви и уже потеряли всякую надежду найти что-нибудь, когда он, кротко успокоив их, указал им одно место в задней части церкви, на которое никто не мог бы подумать, и велел копать там. Все охотно повиновались его приказам и переместили туда работу, но, раскопав землю на глубину более десяти ступеней, они снова лишились надежды найти тело. И когда уже прошла третья полночь, Элигий, схватив мотыгу и отбросив плащ, начал при свечах и лампах изо всех сил копать землю своими святыми руками. И, немного углубив дно ямы, он начал скрести почву вбок и вскоре обнаружил чрезвычайно древнюю гробницу¹¹, покрывающую священное тело. Тогда, исполненный великой радости, он ударил в бок ее мотыгой, которую держал в руке, и тут же проделал в ней дыру, и оттуда заструились такое благоухание и такой яркий свет, что даже сам святой Элигий, пораженный сиянием света и несказанным благоуханием, едва мог выдержать. Ведь и сверкающий шар, который вырвался из гробницы от этого удара, излучал такое мощное блистание, что взоры всех присутствовавших помутились, а большая часть того края озарилась будто дневным светом. От этого все, кому довелось бодрствовать в тот час и которые не знали причины случившегося, сочли это за некий великий знак, данный с небес. Ведь было уже заполночь, и хотя ночь была очень темной и непроглядной, но от исшедшего блистания на время воссиял свет как днем, затем же через какое-то время яркость отступила. Итак, тогда Элигий со слезами радости обlobызал найденное святое тело и, когда его подняли из земных глубин, отделил себе реликвии, откуда хотел. Для лечения больных он вынул зубы из святой челюсти, и в корне каждого зуба выступила капля крови. Также он вытащил из черепа и прочих частей тела и взял себе на реликвии гвозди необыкновенной величины, которые во время страстей гонители вогнали в тело святого. Также он

¹¹ Cumbum, MIW II, 2102 cumbus ‘яма, могила’. ДюКанж (DuCange s.v. cumbus) предлагает читать tumbum, от tumba ‘могила’.

вырвал и отправил на реликвии прекраснейшие волосы мученика. Затем он с величайшей осторожностью перенес обернутое и убранное в ценнейший чистый шелк честнейшее тело за алтарь, затем же изготовил над ним чудесно отделанную гробницу из золота, серебра и драгоценных камней. Также он украсил этим исключительным произведением церковь, которую он расширил, так как она казалась маловместительной. Наконец, он набальзамировал многие части реликвий, которые отделил от святого тела, и применял их как многополезное лекарство, выдавая больным разнообразными недугами.

Под Паризией обитал некий муж, жилище которого находилось недалеко от базилики блаженного Петра, князя апостолов. Элигий дружески любил его за его веру и благочестие, а тот любил Элигия из почтения к его необычайной святости. И так однажды случилось, что Элигий, объехав владения своего монастыря и уже удалившись из Гентилиака¹², возвращался в Парицию. И когда он проезжал по дороге неподалеку от дома этого мужа, как обычно, с благородной свитой, тот, случайно посмотрев вдаль, тотчас узнал, что там едет Элигий. Тогда, подбежав навстречу, он начал целовать его колени со словами: «У меня есть чуточка фалернского в бочке; прошу, пусть господин мой завернет ненадолго в дом слуги своего, чтобы те, кто едет с тобой, отвердили вина и Господь благословил меня ради твоего посещения». И хотя Элигий хотел отказать, тем не менее, насили убежденный просьбами спутников, он наконец свернулся к дому. У названного же мужа стоял в кладовке сосуд, называемый в народе *tonna*, содержащий всего лишь два или три метрета¹³ вина. Так как Элигия, когда он вошел, стали упорно упрашивать, чтобы он пригубил хотя бы малую толику для благословения, он благословил принесенную ему чашу и немного из нее отпил во удовлетворение просьбы, однако все спутники его дали себе волю и обильно напились. Затем, благословив

12 Совр. Жантийи.

13 Мера объема жидкости, 1 метрет = 39 л.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru